

ГЕНДЕР

28 апреля 2018

РИЗОМА

Похоже на устройство имбиря. Размножается под землёй само собой. Каждый кусок корня одновременно становится и центральным корнем, и сам ветвится. Даже если кусок оторван, он продолжается в своём ритме. Эта метафора из Делёза и Гваттари — ризома — основа рабочей модели birbuçuk и почва встречи о гендере.

«Мы верим в целостность знания. После 1980-х зажатие каждого знания в свою дисциплину — ошибка. Искусство, экономика, экология, социология, философия — это должно звучать в точках пересечения.»

Гендер — одна из самых определяющих тем этого целостного взгляда. Это не только отношения мужчина-женщина. Речь обо всей энергии, силе, распределённых отношениях. Экология, экономика, гендер неразделимы — они лежат в сердце социально-экономического метаболизма. То, как человек и сообщества выстраивают связь со средой, как они организованы, как энергия принимается, перерабатывается, выводится — это и вопрос гендера. После 1980-х каждое знание было зажато в свою дисциплину — искусство, экономика, экология, социология, философия разложены по отдельным коробкам. Эта встреча — попытка эти коробки разбить.

Эта встреча — закрытая, доверительная встреча, отдающая предпочтение делению личных историй, опыта и мыслей, а не формату академической панели. Политолог, экономист, арт-директор, активист, художник, кинематографист за одним столом — вне-дисциплинарность не недостаток, а сознательный выбор.

ВРЕМЕНА ПОРАЖЕНИЙ

Голос — студентки в Анкаре в 1968-м, отбывшей 2,5 года тюрьмы после переворота 12 марта, затем десять лет работавшей в левом движении переводчицей и редактором — говорит о разочаровании в опыте женщины на левом фронте. Открытие феминистской теории — это то, как всё в голове встаёт на свои места.

«Я открыла феминистскую теорию. Когда я открыла феминистскую теорию, я успокоилась. То есть всё в голове встало на свои места. Стало понятно, почему всё это происходит.»

12 марта и 12 сентября у нас перед глазами было «определённое» государство, определённая политическая власть. Сегодня — куда более неоднозначное положение; мы внутри процесса построения тоталитаризма. Поляризация, вражда соседа-брата: анализ тоталитаризма у Ханны Арендт сегодня применим как никогда. Страх перед неведомым, очень умно сконструированная власть — это новая ситуация, и наши головы не производят ответа, соответствующего этой ситуации. Десять лет работать на левом фронте переводчицей и редактором, выпускать книги — это была важная работа, но опыт женщины на левом фронте был иным. Женский вопрос всегда отлагался на «потом». Магистратура

по женским исследованиям в Лондоне стала шагом, углубившим этот разлом — академическая рамка, соединяясь с прожитым опытом, рождала работы вроде книги «Любить мир и сегодня».

«Я говорю об этом, потому что мне самой не удаётся ухватить положение. В Турции — очень новая ситуация, и наши головы не производят ответа, ей соответствующего.»

Но периоды поражения полезны движению для самоопроса. В 1983-м женское движение и началось как раз в таком периоде поражения — сошлось много динамик, женщины нашли друг друга. Новое открытие и встреча: закрытие одного периода может быть беременно открытием другого. История полна такими периодами — другие вещи всегда были возможны. Нести надежду, помнить о значимости общественного пространства: был период, когда мы были хозяйками повестки, без численного большинства мы практически задавали повестку. Климатический кризис и война — эти две большие глобальные динамики — могут вывести нас на «уровень человечества». Возможность того, что большие травмы объединяют человечество, как при создании ООН, остаётся как один из вариантов.

ЗАСТРЯЛИ ЛИ УЛИЦЫ?

После Гези застряли ли улицы? В период, когда государство приняло стойку, когда террор и травма перекрыли улицу, могут ли художники и активисты развить иные практики?

«Нас выгнали с улицы, но улицы важны. Дети, погибшие на Гези, травмы... После Гези динамика изменилась.»

Феминистское движение — это всё ещё движение, которое выходит на улицу — 8 марта идут 40 тысяч женщин. Это не пустяк; в период, когда многие движения отступили с улиц, женское движение продолжает там оставаться. Убийства женщин-работниц, принудительные браки в детском возрасте, сексуальное насилие — против этого уличное действие до сих пор сильнейший инструмент. Но за пределами улицы есть и другие пространства — и они не альтернатива улице, а её дополнение.

Один университетский преподаватель открывает свой курс публике: соседский союз, социология, философия, архитектор, дизайнер интерьера, городской планировщик — все вместе. Иерархии нет, выстраиваются диалоги. Нарушать зону комфорта — встречаться с людьми, чуждыми нам. Искусство играет здесь альтернативную роль: оно проникает косвенным языком туда, куда прямой политический язык не доходит. Документальные фильмы, образы, символы — сеть данных, простирающаяся от детских убийств до климатического кризиса.

Живые библиотеки: открытие того, что тот, кого ты называешь «Другим», на самом деле такой же, как ты. Так ломаются клише. Выстраивать коммуникацию вне поляризации, создавать встречные публичности, фактически проживать общее. Малые сети — крепко держать связь с лавочником, ремесленником. Если на низовом уровне мы будем поддерживать эту связь живой, мы сохраняем потенциал. Когда мы остаёмся в своих кругах, мы всегда говорим друг с другом — а ведь мы и так уже друг друга убедили. Главное — встретить чуждое самим себе. Нарушать зону комфорта, создавать пространства без иерархии — академик открывает свой курс кварталу, художник выносит свою мастерскую на улицу. Трещины, возникающие в таких встречах, могут оказаться прочнее больших разломов.

ТЕЛО И СИМВОЛ

Художница, родившаяся в 1982 году в Стамбуле, но в шестимесячном возрасте увезённая в Саудовскую Аравию, прожившая 12 лет в Джидде. Отец инженер, мать финансист, семья матриархальная и феминистская — но снаружи давит шариат. В поездках Стамбул-Джидда она ребёнком наблюдала, как меняется женская идентичность; училась изящным искусствам в Лондоне, в период 11 сентября была единственной студенткой исламского происхождения в классе. Сейчас татуировка, живопись, печать, бумага-глина, каллиграфия — каждая форма выражения. Она работает с символами: вульва, матка, свет, числа, символы жизни — не слишком прямо, с целительным намерением.

«Я человек, который использует много символов. Так я кодирую свои работы. Я занимаюсь символами, числами. Это самые простые символы жизни.»

Убийства детей, тема невест-детей, изнасилования и сексуальное насилие — это не новости второй полосы. 29-человечное массовое изнасилование в Мардине, дело Гарипоглу, закрытое тремя слитками золота — каждое превращается в произведение искусства. Серия «Розовая террористка», проект «Приданое» — набор

из 36 тарелок, поданный как покрывало приданого, но в нём закодированы слои насилия над женщиной.

Производить с намерением защиты, оберегания, усиления — искусство стоит здесь где-то между свидетельством и исцелением. Истории секс-работниц, очная ставка с девочкой-младенцем, скульптура матки — это не эстетические выборы, а формы делать видимым невидимое насилие.

Обсуждается понятие судебной архитектуры — forensic architecture: сила искусства быть предъявленным как доказательство в суде. Стоящие в Стэндинг Рок, ручные работы коренных, судебная архитектура — художественные данные превращаются в юридические данные. Серия Karadul/Night Bloomers делает видимыми скрытые жизни секс-работниц. Семенные банки Ванданы Шивы, биоразнообразие — война между местными семенами и патентами на семена переплетена с гендерной темой. Структурное сходство между патентованием семени и взятием под контроль женского тела не случайно.

МОЁ ДИТЯ

Режиссёр, родившийся в 1969 году в Стамбуле, детство провёл в Бурсе, ребёнок чиновника — ранний свидетель неравенства и гендерной динамики. Учился семь лет в пансионе колледжа Роберта, потом в Hampshire College пробовал альтернативное образование, от социологии Босфорского до кино и медиаискусств в США — он смотрит на документальное кино как на инструмент социальных перемен. «Стены» о Берлинской стене, трёхчасовой документальный фильм об экзамене ÖSS, продолжающийся «Nükleer Alaturka» о ядерных инвестициях Турции — Аккую, Синоп, длящийся проект. Полнометражный документальный фильм об опыте родителей детей-ЛГБТИ+ совершает именно слом клише. Когда мать или отец, чьи дети — ЛГБТ, говорят на камеру, они перестают быть «другими» и превращаются в родителей, в которых каждый может узнать себя. Сила документалистики в этом: в момент узнавания дистанция закрывается.

«Если не сейчас, то когда вы будете производить?»

Этот режиссёр одновременно — живой свидетель того, как институты подавляют тему сексуальных домогательств. Пять лет преподавал в университете Билги, поднялся до заведующего кафедрой — потом вмешался в случай сексуальных домогательств в отношении трёх пострадавших. Ректор заставил его подать в отставку. Институциональный рефлекс ясен: не решить проблему, а уничтожить того, кто её поставил. Этот опыт — самое конкретное лицо напряжения академия-активизм: когда вы вмешиваетесь в реальные дела, институциональный рефлекс — выкинуть вас.

«Я, например, в начале двадцати лет был человеком, выходящим в столкновение с полицией. Но даже сейчас, оглядываясь назад, во мне самом — знак вопроса, страх.»

Два года в Сабанджи, потом с 2007 года в Босфорском — вместе с Клубом женских исследований ему удаётся создать Комиссию по предотвращению сексуальных домогательств. Но и для этого нужны годы борьбы. Институциональные структуры сопротивляются переменам; достижения возможны только при упорном коллективном давлении. Университеты одновременно и пространство дыхания, и инструмент давления — это противоречие — структурная реальность турецкой академической жизни.

ЛГБТИ+ активизм прошёл похожий путь. Дорога, начавшаяся с социологии Стамбульского университета в 2001-м — анархистское движение, феминистское движение, платформа против войны в Ираке, Lambda İstanbul. В 2005-м на стамбульском Прайде шли 300–400 человек, в последующие годы доходило до десятков тысяч — потом запретили. Создана горячая линия, переведены 10 книг, ведётся работа через понятие гетеросексизма. Восемь лет социальной работы в Фонде развития человеческих ресурсов — то, что учится на земле, отличается от того, что учится из книг. Переход от уличного действия к теоретической работе — не потеря, а углубление. Стать независимой исследовательницей, профсоюзная работа, перевод — каждое из этого — самостоятельная форма борьбы. Мы должны сохранять своё существование, чтобы могли бороться — беречь себя так же важно, как сопротивляться.

«На каждой панели, куда я ходила, я делала записи. Появилась возможность превратить это в статьи.»

Классические левые партии оказались «грубыми и отчуждающими» — предпочтение отдано пространствам гражданского общества. После Гези престиж активизма вырос, но и травма углубилась. Возникает вопрос идентичности: если политика делается через идентичность — это уже не политика, но когда нападают, ты вынужден защищать свою идентичность. Чувство, что мы будем пылинкой во Вселенной и уйдём, делает пессимистом — но и внутри этого пессимизма смысл защищать себя и стремиться существовать не исчезает. Сталкиваться с идентичностью, которая не определяется как «женщина», но «преподана» — патриархат и гетеросексизм обязательно рухнут. В своё время и тех, кто говорил, что мир круглый, называли безумцами — эта вера не наивность, а решимость, дистиллированная из опыта. Глобальные связи строятся: от взгляда сапатистов на экологию и землю, к связи парамилитаризма и неолиберализма в Колумбии, от связи засуха-климатический кризис к историческим корням гетеросексизма. Каждая связь напоминает: борьба не локальна.

ПРАВО НА КРОВ И ПРИРОДА РЕБЁНКА

Путь из Анталии в Кыргызстан, в долину Алакыр, в Чыралы: право на кров — основное право. Мы пришли в мир как люди — еда, питьё и кров — наши основные права как существ. Насколько мы можем их защитить?

«Я всегда старалась не кодировать своё дитя. Я всегда верила, что оно по-настоящему от рождения... что наша природа на самом деле знает, чего мы хотим, и что в покое и счастье — то, что нам нужно.»

В долине Алакыр практика экологической жизни, строить дом из земли, борьба против ГЭС — это не абстрактные понятия, а проживаемый опыт. Пять лет в государственной школе в Кыргызстане, обучение коммуникации, потом решение переехать в долину под Анталией. Большой Анатолийский марш — из Анталии в Анкару за 40 дней, идти беременной — телесное выражение присвоения права на кров, земли и воды. Жизнь в Чыралы, начало начальной школы для дочери — поиск альтернативного образования стал теперь конкретной необходимостью, а не абстрактным обсуждением.

В этом контексте заново обдумывается воспитание ребёнка. Школьная система или альтернативное образование? Места, пригодные для жизни, внутри общества, но свободные. Сила социализации детей на природе — за пределами слов, попытка понять землю.

«О чём, собственно, мы говорим? Есть вещи, у которых страшная срочность для самой земли, а все эти идентичности, гендеры, границы, страны, политики — улетают.»

Напряжение между индивидуальным действием и общественным движением здесь принимает самый конкретный вид: жизнь, созданная ради ребёнка, одновременно — политическое действие. В Алакыре построено три дома — из земли, руками, с намерением. Второй — вместе с Джан Ашык — общинная стройка, общая жизнь. Встреча с Ванданой Шивой, семенные банки, тема биоразнообразия — это разные измерения присвоения права на кров, права на тело, земли. Вопрос «что будет с этими детьми?» — вопрос будущего: новое поколение через интернет может стать более сознательным, выстроить универсальное сознание.

КРАСНАЯ КАРТОЧКА И ГОРОД

Путь художницы из Картала в Стамбуле в анатолийский лицей, из Мармары в Мимара Синана, из Испании в Бейрут — оформлен городской трансформацией и связью тело-пространство. Участвовать в художественных инициативах вроде «Apartman Projesi», работать с группой «Красная карточка» — женщины, отдающие силы в женском искусстве — встретиться с проявлениями сексизма в мире искусства.

«Мастерская в Тарлабаши, критические картины против проекта Захи Хадид в Картале, выставка „Куда упал огонь“ — 131 художник, 20-летие Фонда прав человека. Город, тело и гендер неразделимы.»

Родилась в 1984 году в стамбульском Картале, поступление в Анатолийский лицей стало большим опытом социализации — впервые конкретно ощущалась классовая разница, разница пространств, разница

идентичностей. Переход из Мармары в Мимара Синана, Эрасмус в Испании, магистратура по искусству-дизайну у Али Артуна и Индже Эвинер в Йылдызе. В 2015-м арт-резиденции в Италии и Швеции, затем неформальная магистратура в бейрутском Aşkal Alvan — каждый шаг — это удаление от центра и опыт производства в разных контекстах.

Вся жизнь оформлена этим осознанием. Искусство своей силой косвенного языка создаёт альтернативную публичность — проникает туда, куда прямой политический язык не доходит. Выставка «Куда упал огонь» — 131 художник, 20-летие Фонда прав человека — показывает силу коллективного производства. Но вопрос всегда остаётся открытым: может ли искусство создавать настоящее изменение, или это лишь утешение? На этот вопрос нет ответа — но отсутствие ответа не слабость, а открытость.

Я ОСТАВИЛА АКАДЕМИЮ

Инженерия среды и скульптура — в мастерской Мехмета Али Уйсала — моделирование воды и исполнительские искусства, докторат по моделированию осадков-стока в Босфорском, переходящий в системное моделирование экологических систем, основание кооператива и продюсирование документальных фильмов — эти пути, соединяющиеся в одном человеке, — история выхода из академии.

«Я оставила академию. Производство и так начало быть очень малым. Я заметила, что и тяга к учёбе пошла на убыль.»

Переехать в Анкару и работать на заводе в промышленной зоне Tınca — телом учить, что значит производить. Вернуться в Стамбул и выбрать построить коллектив, опирающийся на отношения с домом и соседом. Кинопроизводство — короткий фильм, документальный — исполнительские искусства, перформансы «сказанного слова», работы с компанией Nazavuzu, визуальное искусство в коллективе oddviz, основание Босфорского потребительского кооператива, новая диаспоральная сеть — всё это пространства, найденные вне академии, каждое из них — мир, работающий по своей логике. То, что академия не может сломать свою зону комфорта, что заниматься активизмом вовне живее, чем производить внутри — это напряжение откликается во многих голосах встречи.

Человек, четыре года проработавший в министерстве по делам среды, говорит, что когда она открыла феминистскую теорию, она успокоилась. Годы, проведённые в тюрьме как политическая заключённая, разочарование быть женщиной на левом фронте, бюрократический опыт в министерстве среды — всё это обретает смысл, соединяясь с феминистским взглядом. Книга «Любить мир и сегодня» — кристаллизация этого взгляда.

Проект «Шехвети Бостан» — «сад желания», не «сад милости» — безопасные, самодостаточные пространства жизни для женщин, переживших насилие, леса памяти, практика посадки саженцев в честь убитых подруг. Убийства транс-женщин вроде Ханде Кадер делают этот проект срочным. Конкретизированная политика желания: ставить против насилия заботу и память, против уничтожения — выращивание.

Группа экофеминизма, основанная в период Гези, выстроила эту связь — экология и феминизм — две стороны одной борьбы. Структурное сходство между поставлением природы под господство и поставлением женского тела под господство не случайно, а системно. Капитализм, патриархат и экологическое разрушение питаются из одного корня — этот анализ не академическая абстракция, а знание рук, сажающих саженцы в Шехвети Бостан. Леса памяти — каждый саженец, посаженный в честь убитой подруги — одновременно траур и сопротивление, и потеря, и зеленение.

В МНОГОМЕРНОМ МЕСТЕ

Последнее слово встречи — принятие многомерности.

«Мы действительно в очень мульти-мерном месте. И, по-моему, нужно стараться осознать каждое измерение. Если каждый будет хорошо заниматься чем-то, многие решения появятся.»

Есть основа для пессимизма: построение тоталитаризма, поляризация, забытые улицы, травма. 12 марта, 12 сентября, Гези — каждое — слом, каждое — рана. Но надежда не уснула. Возможность того, что большие травмы объединяют человечество — климатический кризис и война могут вывести нас на «уровень человечества», как при создании ООН. Новое поколение благодаря интернету — более сознательно. Патриархат и гетеросексизм обязательно рухнут — нести эту веру не наивность, а форма сопротивления.

«Это обязательно случится. В своё время и тех, кто говорил, что мир круглый, называли безумцами. Я хочу надеяться: это обязательно случится.»

Голоса, собравшиеся на этой встрече — политолог, ЛГБТИ+ активистка, практик экологической жизни, феминистская художница, документалист, профсоюзный работник — это люди, прошедшие через политические моменты Турции, прошедшие пути от 12 марта до Гези, от Lambda İstanbul до долины Алакыр, столкнувшиеся с тоталитаризмом и не сдавшиеся. Вопрос — искусство или улица, академия или коллектив? — неверный вопрос. Как ризома, размножающаяся под землёй сама собой, в которой каждое может быть центральным корнем, продолжающаяся и оторванной — сеть. Вне-дисциплинарность не недостаток, а способ существования. Экология, гендер, искусство, организация — это не отдельные борьбы, а разные измерения одной борьбы. Рука, основывающая семенной банк, и рука, кодирующая насилие в набор тарелок, глаз, снимающий документальный фильм, и глаз, строящий дом из земли — всё это узлы одной сети. Работать в каждом из этих измерений — самое осмысленное, что можно сделать в тёмные времена.